

МАИ 1933 года. Анатолий Васильевич Луначарский уже давно не нарком просвещения, но среди творческой интеллигенции авторитет Луначарского не был поколеблен. Его не только уважали, его любили. Возникла мысль устроить встречу Луначарского с писателями. Организатором встречи был С. С. Динамов, он в то время работал в отделе искусств ЦК партии и по совместительству был ответственным редактором «Литературной газеты».

Какой бы пост Луначарский ни занимал, он всегда был для интеллигенции первым подпредом революции в культуре, в искусстве. С Луначарским можно было не соглашаться, спорить, даже браниться, можно было в кругу друзей пошутить на счет некоторых его слабостей, но не любить Луначарского было нельзя.

И вот на квартиру в Денежный переулок, что с Арбата (теперь улица Веснина), пришли человек 15 писателей. Помню, были Ал. Толстой, В. Катаев, Ю. Олеся, Вера Инбер, Б. Пастернак, Ф. Панферов, С. Динамов, В. Кирпичин. Был, кажется, И. Луппол, еще несколько человек...

ВИДЕЛ А. В. Луначарского до этого множество раз. Прежде всего на всяких общественных собраниях, лекциях, митингах, диспутах, на которых он неизменно привлекал внимание блестящим искусством речи, живостью ума, убежденностью революционера. В первые годы революции участие Луначарского в собраниях, особенно посвященных вопросам культуры, искусства, было настолько привычным и казалось обязательным, что фраза: «Вступительное слово А. Луначарского» — вошла в поговорку.

Он был неутомим. Выступал иногда по несколько раз в день, выступал по самым разнообразным вопросам политики, истории, культуры, литературы, искусства. Выступал часто экспромтом, поражая наше воображение обширностью знаний, богатством ассоциаций, удивительной свободой, с которой он себя чувствовал в материале разных эпох, разных искусств, тысяч имен.

Был в ходу рассказы примерно такого характера: Анатолия Васильевича ждут на каком-то большом собрании, где он должен выступить с докладом. Нарком просвещения запаздывает, его задержали на важном заседании. Но вот он появляется, второпях проходит на сцену, протирает пенсне и склоняется к председателю:

— Извините... задержали. Но я могу сейчас начать. Итак, о Рабиндранате Тагоре...

— Что вы, Анатолий Васильевич... — пугается председатель. — О Рембрандте...

— Неужели? А мне послышалось по телефону: о Рабиндранате... Ну, ничего, сейчас начнем.

И через две минуты Луначарский уже на кафедре. Вибрирует его так хорошо знакомый, с глубокими приятными интонациями голос, и доклад о Рембрандте, полный интересных мыслей, захватывает аудиторию.

Анатолий Васильевич несомненно готовился к своим выступлениям, особенно наиболее ответственным, но я никогда не видел, чтобы он с трибуны читал по заранее написанному. В процессе речи он так увлекался, что тут же на ходу формировался строй мыслей, логика доказательств и вся речь обогащалась гаммой разнообразных эмоций.

В двадцатые годы я присутствовал в Политехническом музее на знаменитых в то время диспутах Анатолия Васильевича с митрополитом Введенским. Запомнился такой эпизод. Введенский, тоже отличный и остроумный оратор, подпустил этакое:

— Вот вы, безбожники, говорите, что произойти от обезьяны, а мы, верующие, утверждаем, что происходим от бога. Ну что ж, каждому его родственники лучше известны.

Раздался смех. Все ждали, как Луначарский ответит на этот ход Введенского.

Анатолий Васильевич «поднял перчатку» совершенно спокойно.

— Отлично, — сказал он. — Мы произошли от обезьяны. Глядя на нас, вы не можете отрицать, что по сравнению с обезьяной мы достигли огромного прогресса. А вы, протоиерей Введенский, рядом с вашим богом, вас будто бы породившим, богом всемогущим, всеисильным, всезнающим, — какое жалкое зрелище вы являете!

Грохот аплодисментов потряс высокие стены большой аудитории.

А. В. Луначарский был, несомненно, оратором редкого дарования. Голос, дикция, искусство импровизации наряду с революционным темпераментом и огромными знаниями сделали его одним из лучших ораторов революции.

В эти двадцатые годы я имел дело с А. В. Луначарским и как с автором, часто писавшим для «Вечерней Москвы». Как заместитель ответственного редактора газеты я часто обращался к Анатолию Васильевичу с просьбой написать ту или иную статью. Занятый огромной государственной работой, он почти никогда не отказывал. Он писал быстро и легко, так же, как говорил, и часто именно «наговаривал» свои статьи, то есть диктовал их стенографистке. Помню, в частности, серию его очерков о культуре Западной Европы, он в те годы неоднократно ездил за рубеж.

Насколько высок был авторитет А. В. Луначарского во всем культурном мире, можно судить по тому, что только во второй половине 1932 года он, до неполным данным, был приглашен выступить с докладами и лекциями на интернациональный студенческий конгресс, на конгресс работников новых школ в Ницце, в широких аудиториях Лондона, Марселя, Германии, Соединенных Штатов.

В переводчиках Анатолий Васильевич не нуждался. Был такой случай. В 1925 году из десятков стран съехались в Советский Союз ученые, чтобы участвовать в праздновании двухсотлетия Российской Академии наук. На торжественном собрании выступил Луначарский. Это была речь, единственная в своем роде, может быть, во всей истории культуры. Оратор начал говорить по-русски,

затем перешел на немецкий, продолжил по-французски, потом заговорил по-английски, по-итальянски и закончил классической речью, объединяющей ученых всех стран и народов, — по-латыни.

Как автор Луначарский отличался удивительным доброжелательством, скромностью, доверием к редакции. Он обычно несколько не возражал против поправок, которые редакция считала нужными внести.

Недавно, перелистывая старые издания, я нашел в журнале «На литературном посту» за 1927 год свою статью, направленную отчасти против... Луначарского. Речь шла о постановке Мейерхольдом «Ревизора» и возникшей в связи с этим дискуссии: дебатировался, в частности, вопрос, допустимо ли искусство, непонятное для масс. Я давно забыл об этой статье, теперь перечитал ее и почувствовал жад стыда. Стыда и, может быть, тайной радости. Как мы, юнцы, осмеливались спорить с Луначарским, который был бесконечно выше нас во всех отношениях! Почему-то я по-мальчишески старался скрывать свою любовь и огромное уважение к Луначарскому под тоном холодной и важной беспристрастности.

Если я вспоминаю об этом сейчас, то прежде всего для того, чтобы сказать об атмосфере тех лет, о том чувстве свободы мысли и самостоятельности, которое нас, молодежь, воодушевляло. Только за три года до этого умер Ленин. Еще слишком свежи были ленинские традиции свободы и доброжелательства, которые никто еще не смел — открыто по крайней мере — нарушать.

ереставал уважать его и даже любить. Луначарский, имея свое мнение по какому-либо вопросу, естественно, не скрывал его. Но огромный авторитет и обаяние Ленина давали ему возможность искать, находить ту линию, которая и сделала Луначарского самым лучшим и талантливым выразителем ленинской политики в вопросах культуры.

Очень хорошо сказано об этом в уже цитированной редакционной статье «Коммуниста»: «Глубокая любовь к Владимиру Ильичу, искреннее стремление понять его советы и указания и осуществить их в жизни — вот что характерно для Луначарского».

ИТАК, МЫ СИДИМ в гостиной и беседуем с Анатолием Васильевичем и его женой Натальей Александровной Розенберг. Луначарский уже сильно болен — это мне известно. Он долго лечился, потерял один глаз. Я стараюсь не смотреть на искусственный глаз, но чувствую его непрестанно, и мне кажется, Анатолий Васильевич за последний год как-то отяжелел, стал скован в движениях. Но он старается не показывать вида, любезно беседует с нами, спрашивает о делах «Литературной газеты». Когда все собрались, нас пригласили в столовую. Здесь уже был накрыт длинный стол. Атмосфера непринужденности установилась тотчас же. Алексей Николаевич Толстой разговаривал с соседом, аппетитно закусывая. В другом конце стола какой-то спор завязался вокруг Панферова.

Не помню, в какой связи и по чьей инициативе попросили Веру Инбер прочесть ее

стихи о старости. Эти стихи незадолго до того были напечатаны в журнале «Красная Новь». Вера Михайловна начала читать:

.....
Неужели и вправду пора на покой?
Старость, как ни верти там,
Старость — это бывает с тобой,
Даже партийкой.

.....
Как бы сердце мое ни болело,
Я за него отвечать не буду.
Старость — это личное дело
Моих кровеносных сосудов.

.....
Не в них злость. Не они важны.
Важно, чтоб не пропала зря
Ни одна грусть, ни одна зари
В хозяйстве моей страны.

.....
И мы, пока в нас сила есть еще,
По закону контрастов, что ли,
Мы будем писать превосходные вещи,
Лишенные тени боли.

.....
И ты, строфа моя, радостно лейся ты.
Если что велико, так это
Коэффициент полезного действия
Грусти на душу поэта.

.....
Ты стареешь, мое поколение? Пусть.
По черенкам и эскизам
Можно заставить даже грусть
Работать на социализм.

.....
Все внимательно слушали, и, когда Инбер кончила, кто-то задумчиво повторил:

.....
Старость — это личное дело
Моих кровеносных сосудов...

.....
На другой стороне стола продолжали вслух продумывать только что услышанное:

.....
Важно, чтоб не пропала зря
Ни одна грусть, ни одна зари
В хозяйстве моей страны...

.....
И вдруг установившуюся тишину раздумья прервал выкрик:

.....
— Это фальшь!
Крикнул Юрий Олеся. Он мотал лыжиной головой, желая что-то возразить, что-то пояснить, но разобрать мне ничего не удалось. Я знал Юрия Олеся, ценил его талант, знал также его трагические слабости. Когда Юрий Карлович бывал излишне возбужден, то его часто тянуло на спор. Всегда чрезвычайно мягкий и деликатный, Олеся становился задристым.

.....
Напротив сидел Борис Пастернак.
— Да, да... конечно... — загудел он, подымая голову и глядя почему-то в потолок. — Но личное — всегда личное. Моя грусть, моя... грудная клетка... вот она! Не надо смешивать.

.....
Как бы в противовес этому кто-то стал с пафосом читать:

.....
Можно заставить даже грусть
Работать на социализм...

.....
— Прекрасно! Прекрасно!
Кажется, это Валентин Катаев.

.....
За столом начался оживленный спор о личном и общем. Заспорили, зашумели. Из края в край стола, перекрывая общий гул, полетели полемические реплики. Но все медленно утихло, когда заметили, что хочет говорить Анатолий Васильевич.

.....
— Товарищи... — начал он, и мне показалось, что родной, так хорошо знакомый голос Луначарского пропитан сейчас каким-то особым чувством сердечности и волнения.

.....
— Я слушал ваши споры, — сказал Луначарский, — и предо мной прошла вся моя жизнь... Вероятно, мне осталось немного...
Он остановился, переживая мучительный смысл этих слов.

.....
— ...В таких случаях не лгут. Поверьте мне, вся жизнь, все личное, все радости и страдания приобретают особый смысл только тогда, когда жизнь направлена к общему благу, к высшей цели. Социализм создает ту атмосферу коллективизма, общей жизни, борьбы и достижений, в которой жизнь отдельной личности находит действительно свое бесконечное продолжение. Мне бывало иногда очень трудно. Я находил успокоение в том, что всегда передо мной был немеркнувший идеал нашей партии.

.....
Луначарский начал тяжело дышать. Он был глубоко взволнован. Почти с ужасом я заметил, как из-под стекол его очков потекли одна за другой крупные капли слез.

.....
Наталья Александровна обеспокоенно задвинулась на стуле, потом резко встала, взяла Анатолия Васильевича под руку и увела его по лесенке вверх.

.....
Мы остались в зале, оглушенные этой неожиданной исповедью, исповедью, которая звучала завещанием.

В СКОРЕ Луначарский уехал во Францию, откуда должен был направиться в Мадрид, к месту своей новой службы. Как известно, до Испании он не доехал, потому что во Франции заболел и, проболев несколько месяцев, умер 26 декабря 1933 года в Ментоне — маленьком французском городке в Приморских Альпах, на берегу Средиземного моря. Прожил он всего 58 лет.

.....
Сведения, которые приходили из-за границы о последних месяцах жизни Анатолия Васильевича, давали дополнительные штрихи к портрету этого замечательного человека. Уже тяжелой болезнью, он продолжал усиленно работать: изучал испанский язык, занимался новейшими течениями философии в Германии, готовил статьи о Гоголе, по истории музыки, заканчивал монографию о Фаусте.

.....
Как и все большие люди, Луначарский был изумительным тружеником, находя в труде величайший смысл и наслаждение. За несколько лет до смерти он писал в одном из писем к сыну: «Как это можно быть без дела? Объясни мне... Работа — дело великолепное. Безделье и скука — вычитается из нашей жизни вовсе, больше еще, чем сон и тяжелая болезнь. Этого нельзя допустить. Я думаю, что мама тебе подтвердит, что раньше на это дело мы не тратили ни минуты. Так это было до сегодняшнего дня и будет до смерти, если, конечно, меня не разобьет паралич...» Так это и было... За день до смерти Луначарский диктовал статью о Прусте.

.....
Тело Луначарского привезли в Париж и поместили в парадном красном зале советского посольства на рю де Гренель. Известие об этом быстро разнеслось по городу и взволновало тысячи самых различных людей. К гробу приходили дипломаты и военные писатели и рабочие. Ромен Роллан прислал телеграмму: «Очень опечален смертью моего друга Луначарского, который на Западе был всеми уважаемым послом советской мысли и искусства».

.....
В первый день нового 1934 года гроб с телом Луначарского был доставлен в Москву и помещен в Колонном зале Дома Союзом. Десятки тысяч советских людей пришли, чтобы скорбно склонить головы перед прахом ленинского наркома просвещения. А второго января на Красной площади состоялась похороны. Бронзовая урна была помещена в Кремлевской стене.

.....
Нельзя было не заметить, что на похоронах не было Сталина. Удивляло ли это кого-нибудь? Вряд ли. Отсутствие Сталина было только лишним подтверждением, что в условиях культуры Сталина высокоталантливая личность одного из старейших большевиков — А. Луначарского не пользовалась «благоволением».

У СЛОВИЯ культа личности Сталина привели к тому, что произведения Луначарского много лет не переиздавались. Собрания сочинений А. В. Луначарского, одного из крупнейших и талантливейших литераторов XX века, нет до сих пор. В 25-м томе Большой Советской Энциклопедии, подписанном к печати в начале 1954 года, Луначарскому уделен один столбец и маленькое фото — примерно столько же, сколько третьестепенному поэту.

.....
Теперь положение изменилось. После XX и XXII съездов партии, когда восстановлены ленинские нормы партийной жизни, когда во всей стране повеяло свежим ветром, начали выходить один за другим сборники произведений Луначарского. Готовится к печати и собрание сочинений. Огромное богатство мысли и чувства, созданное этим человеком, надо сделать достоянием народа, которому он посвятил всю свою прекрасную жизнь.

М. ЧАРНЫЙ

ПОСЛЕДНИЙ ВЕЧЕР У ЛУНАЧАРСКОГО

Анатолий Васильевич относился к подобным статьям и даже более резким полемическим выступлениям не только со спокойствием, но с милостью, чуть-чуть, может быть, лукавой доброжелательностью. Иногда он продолжал полемизировать, выступал страстно и горячо, защищая свою позицию, если речь шла о больших принципиальных вопросах. Иногда проходил мимо. Но никогда не мешал спору, не пресекал его, считая атмосферу дискуссии той естественной атмосферой, в которой легче всего дышится людям искусства и науки.

Луначарский был терпим к разным явлениям искусства и часто высказывался нерезко там, где другие метал молнии, потому что он видел много сторон. Его терпимость большей частью вытекала из его несравненной образованности, ума, из его умения видеть явление во всем его жизненном многообразии, в противоречивости развития.

.....
«...Только посредственность и ограниченность способны фанатически предаться какой-нибудь односторонности и упрямо закрывать глаза на весь остальной божий мир, противоречащий исключительности их тесного убеждения...» Это слова Белинского. Белинский противопоставлял ограниченности ум гениальности, который именно потому, что видит множество явлений, кажется иногда противоречивым. Так поражаля Ленин своей возможностью поворотов, изменений, хотя всегда оставался верен основному, и все повороты, изменения обращал на пользу революции, счастья народа. Здесь нет, разумеется, речи о том, чтобы сравнивать Луначарского с Лениным, который, как известно, не раз поправлял Луначарского, но всегда был им доволен, ожесточенно спорил с ним (особенно до революции, в период борьбы с идеалистическими извращениями с «богостроительством»), но всегда любил его и очень высоко ценил. Хочу только сказать, что Луначарский был настолько умен, образован и душевно богат, чтобы не быть односторонним.

К ОНЕЧНО, насыщенная духовная жизнь Луначарского, его многочисленные поиски и труды в разных областях не лишены были противоречий и ошибок. Недавно журнал «Коммунист» напечатал редакционную статью «Об отношении к литературному наследию А. В. Луначарского» (№ 10, 1962 г.). Отдавая должное убежденному революционеру, одному «из видных деятелей нашей партии, социалистической культуры», его яркому таланту и энциклопедическим знаниям, журнал пишет: «Он настойчиво стремился проводить в жизнь политику партии в области культуры и искусства, но нередко допускал серьезные ошибки при решении принципиальных вопросов. В таких случаях В. И. Ленин, партия помогали ему находить верную точку зрения».

.....
Об ошибках Луначарского, о том, как не соглашался с ним Ленин, как он поправлял его, сказал прямо и недвусмысленно сам Анатолий Васильевич.

.....
Луначарский подробно рассказал в своих воспоминаниях об опасениях Ленина в отношении руководителей Пролеткульта, о поручении Владимира Ильича Луначарскому выступить на съезде Пролеткульта, о том, как «уклончиво» он выполнил это задание и как «разнес» его за это Владимир Ильич.

.....
Дело было не только в том, что опыт и время показали самому Луначарскому, насколько прав был Ленин. Некоторые люди, привыкшие к атмосфере культа Сталина и в известной мере воспитанные ею, привыкшие к обстановке, когда каждое инакомыслие, вплоть до частных вопросов, казалось подозрительным, крамольным, даже преступным, с трудом могут понять характер взаимоотношений Ленина и Луначарского.

.....
Ошибки Луначарского в вопросах культурной политики несомненно имели корешки в его больших философских заблуждениях махистского толка, с которыми Ленин сражался еще в 1908—1910 годах. Но по многим конкретным вопросам мнение Луначарского определялось особенностями его личности, характера, вкуса. Это от эстетизма у него, как говорил Владимир Ильич. Ленин мог соглашаться с Луначарским или не соглашаться, мог спорить, но он никогда не навязывал ему своего мнения.

.....
Сила ленинского ума была направлена на убеждение. И даже тогда, когда он не соглашался с Луначарским и не сразу убеждал его, Луначарского, в неправоте, он не